

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 96 (4062)

Вторник, 4 августа 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

ПИСАТЕЛЬ — чуткий инструмент своего времени. Ему дано зачатое время в его ходе и действии, и, например, книги Рабле, Золя или Льва Толстого говорят нам о жизни их общества больше, чем целые библиотеки исторических книг. Без «Разгрома» Золя мы не могли бы представить себе полной картины Седана, как без книг Чехова не представляли себе жизни огромной части русского общества в конце прошлого и начале нашего века.

Писатель определяет движение своего времени, он организует сознание человека, ставит вопросы, которые волнуют современников, подсказывает решения. Этапы духовного развития человечества познаем мы именно из литературных источников, которые от клипшного до лиричного являлись и являются самой достоверной летописью дел человека.

В чем же признак времени, когда мы обращаемся к книгам писателя? В том ли, что, прислушиваясь к веянию своего времени, писатель старается закрепить в коллизиях художественного произведения ту или иную волновавшую общество проблему? Или мы ищем признак времени в мироощущении художника, в глубоком осмыслении тех идей и нравственных целей, которые определяют духовную жизнь его современников?

Художник и его время

Вл. Лидин

Принято говорить, что любовь — это вечная тема. Да, это вечная тема, как вечное небо, как вечны грозы или аэгиическая тишина. Наверно, такие же облака, какие и ныне над нами, проплывали и на небе Гомера, и на небе Пушкина. Но люди под этими облаками иные, и иначе воспринимают они мир, познав его уже не в установившейся для прошлых поколений неизменности. Ветер не пахнет паруса аргонавтов, человек ведет свой корабль в том направлении, в каком ему нужно, мало размышляя о том, дует ли попутный или встречный ветер: при попутном ветре он прилетит из Москвы в Нью-Йорк за десять часов, при встречном, в крайнем случае, за двенадцать. Конечно, современный юноша любит девушку по тем же законам любви, по каким любил Ромео Джульетту, но писатель-современник напишет о любви иначе, чем писал Шекспир, не только в силу иных исторических условий, но и потому, что мир чувств существует во времени, не безотосительно от жизни общества, а в соответствии с его законами, моралью и движением.

Дневник ПИСАТЕЛЯ

ПОНЯТИЕ «писатель-современник» означает не только то, что писатель откликается на основные тенденции современности, но и то, как он откликается. Если писатель — чуткий инструмент своего времени, то и его мироощущение и тем более миропонимание лежат в русле идейной жизни его общества. Творческий художник еще не означает современный художник; умение быстро схватывать тему еще не означает овладеть темой, то есть написать так, чтобы читатель сказал: «Я эту тему, что меня волнует, писатель сумел выразить мой мысли и чувства. Мало того, что он сумел их выразить: он сумел наметить путь, сумел поставить вопрос, ибо писатель по своему назначению должен прежде всего быть мыслителем. И как читатель, могу быть согласен или несогласен с ним, но он будит мою мысль, он ставит передо мной нравственную задачу, он создает героический образ, которому побуждает меня следовать, или осуждает то, что мешает движению, тормозит развитие общественного сознания, и этим он тоже выражает мои мысли и чувства, потому что и меня волнует то, что мешает движению.

Но вот, скажем, писатель написал о семье, написал тонко, глубоко поставил вопрос, пластически раскрыл душу человека. Не вообще душу человека, а именно душу моего современника с его отношением к жизни, с его пониманием нравственных задач. Я читаю историю этих семейных отношений, она пробуждает во мне глубокие чувства, писатель навязчиво ставит передо мной этическую проблему, предлагая мне самому, читателю, разрешить ее. Вечная, вневременная тема? Нет, тема моей жизни, тема моего общества.

«Дама с собачкой» — тема жизни современного Чехова общества, равно как «Матам Бовари» или «Сильна, как смерть» — темы современного Флобера и Мопассана общества, и хотя все это темы о любви, мы не ощущаем, однако, этих тем вне времени. В том-то и сила искусства писателя, что он побеждает дистанцию времени, приближает отдаленную эпоху, заражает нас чувствами своих героев, и мы с позиций нашего времени, с нашим решением той или иной проблемы следим за отношениями между людьми прошлого.

Применительно к советской литературе это означает, что нет таких нравственно-этических тем, которые лежали бы вне интересов нашего читателя и тем самым были бы несвоевременны, ненужны для его развития. Важно, как художник осмыслил эти темы в соответствии с мировоззрением современника, как, казалось бы, сугубо личную тему делает темой социальной, определяющей поведение человека, создающего коммунистическое общество. Без этой основной ведущей оси мировоззрения невозможно искусство пи-

сателя, который хочет служить своему народу с его великими целями.

Писатель — востатель дум, так говорилось в прошлом, и это было отлично сказано. Вся история русской литературы — Ломоносов, Радищев, Пушкин, Гоголь, Достоевский, Тургенев, Лев Толстой, Чехов, Горький — все это были востатели дум, глашатаи своего времени, кумиры — не побоясь этого старинного слова — всей прогрессивной части русского общества, и прежде всего молодежи. Молодежь несет на своих плечах будущее, поэтому она так взыскательна к настоящему. Именно литературе в часе основных ее задач предназначено бережно, умно и осторожно воспитать молодое сознание, обратить его к основной теме современности, показать на прекрасных, совершенных примерах, что может сделать человек, понимающий задачи своего общества и своего в нем назначения: литературе предназначено также на примерах осуждения всего несовершенного и недостоинного показать, с чем должно молодое сознание бороться.

Но все, что современно, требует и современного выражения, современного слова. Ничто так не меняется и не совершенствуется, как язык. Богатство языка лежит в природе нашего народа. Народ — словотворец, и чуткий слух писателя не только ловит народное слово, чтобы применить его к месту, а писатель вместе с народом участвует в создании языка. Можно ли представить себе современное произведение, на современную тему, с действующими героями-современниками, написанным языком второстепенных прозаиков конца прошлого века?

СОВЕТСКАЯ литература с первых своих шагов остро восприняла обновление языка, принесенное изменением всего общественного уклада нашей жизни. Не будем, однако, скрывать от себя, что нетребовательность в некоторых случаях или сниска на тему, или сниска на молодость, или нивелировка плохо знающего и плохо чувствующего язык редактора привносят к тому, что является проза, похожая именно на разговорную прозу второстепенных писателей конца прошлого века. Тогда надбавляется то же, что и на плохой картине: голубое небо, люди, изображенные в рабочих позах, на переднем плане трактор, но не веришь ни голубому небу, ни рабочим позам людей, ни трактору, ибо он из фанеры. Тех, кто бережет слово, беспокоит о его судьбе, верит в великое назначение литературы, снижение качества и требовательности не может не волновать.

Можно писать с лучшими целями, но, если произведение не согрето мыслью художника, его философским пониманием эпохи, такое произведение в лучшем случае сыграет иллюстративную роль. Написать о чем-нибудь современном еще не значит написать современную вещь. Написан с внутренней глубиной мыслью, написан, не констатируя то, что читатель знает и без тебя, не иллюстрируя то, что он и без тебя знает, а поставив вопрос, укажи путь, призывай к лучшему — тогда действительно ты пойдешь в ногу с временем. Тогда, в свою очередь, время будет с тобой и не обманет тебя, оставив на полустанке с твоей насмешкой схваченной, но не продуманной глубоко темой, с твоим расхожим языком, в котором нет никаких элементов современности: ни поисков звучания, ни поисков выразительности.

Писатель-современник идет вперед, а не следует за жизнью; следовательно — значит поспевать, а поспевать в искусстве означает опаздывать.

ХАКАСИЯ — ПРИРОДОЙ ЩЕДРО ОДАРЕННЫЙ КРАЙ

Хакасия, будь счастлива веками! Природой щедро ты одарена. Даны тебе стремительные реки, Тебе тайга великая дана. И всех лугов и нив золототканых, Всех благ земных и всех ее щедрот, Всех гор и рек, ему природой даных, Поистине достоин твой народ! Он города возводит и селения, Ему подвластна горная руда, Со всем Союзом в братском единенье Вошел он в ритм великого труда.

Абанан — Тайшет. Это новая железнодорожная магистраль Сибири. Велико ее значение для экономического развития края. Тысячи людей вдохновенно трудятся здесь. Михаил Пахомович Федоров — один из лучших взрывников. Фото М. Трахмана.

РАБОТА ИЩЕТ ЧЕЛОВЕКА...

Витрина Мосгорсправки. Белые квадратик объявлений: «Требуется инженер-теплотехник... Срочно требуется чертежник и секретарь-машинистка... Требуется токарь, фрезеровщик 4-5 разрядов и шофер на грузовую машину... Требуется, требуется, требуется... Мы привлекли к этим объявлениям, они вошли маленьким штрихом в будничную картину нашей жизни — работа ищет человека.

Из 2500 ежедневно вывешиваемых в Москве объявлений половина предлагает работу.

Работу предлагают не только через объявления — все 200 столичных кносок Мосгорсправки связаны телефоном с группой по труду. Здесь вам за десять минут предложат двадцать мест: требуются, требуются, требуются...

— Ну, а сколько приблизительно человек ищет в Москве работу? — спросили мы у директора Мосгорсправки.

— Мы выдаем в день 30 000 справок. С просьбой помочь устроиться на работу обращаются к нам человек 200—250 — меньше одного процента. В большинстве это пенсионеры — одни хотят использовать свое право на временную работу, другие соскучились дома и просят приставить их к какому-либо нетрудовому делу, хоть без всякого вознаграждения...

Формовщик Владимир Аредов растет на даче с родным «Фрезером». Он был не плохо устроен в Москве — отдельная квартира, хороший заработок, но потянуло к новым местам — в Якутию. Там большие дела, там нужны люди. Вместе с Аредовым отправляется в далекий путь и автозаводец Георгий Ташинов. Вот, что он рассказал нашему корреспонденту:

— На Крайний Север меня влечет не «золотой телец». Я — кадровый рабочий, на заработок не могу пожаловаться: в месяц у меня выходило 2000 — 2200 рублей и жена получала 880. Жили мы с двумя ребятами-близнецами в двухквартирном стандартном домике, ничуть не хуже того «типичного американского»,

Что показан на выставке в Сокольниках, пользовались всеми благами столицы. И все же я покинул, как говорят, насиженное место, потому, что мой труд на Севере очень нужен сейчас стране...

На снимке: В. Аредов и Г. Ташинов беседуют перед отъездом с представителями органов Ю. Сухомятым. Фото А. СУХОМЛИНОВА

Участникам Международного кинофестиваля в Москве

От имени Советского правительства горячо приветствуя деятелей киноискусства многих стран мира, собравшихся в столице Советского Союза — Москве на Международном кинофестивале.

В нашей стране хорошо понимают, что развитие дружественных связей и сотрудничества в области культуры, расширение обмена культурными ценностями помогают достижению лучшего взаимопонимания между народами различных стран и объединению их усилий в борьбе за прочный мир.

Прогрессивные деятели всех родов искусства выступали и выступают активными борцами за лучшие идеалы человечества. Нельзя переоценить тех исключительных возможностей, какими обладает искусство кино для того, чтобы утверждать победу принципов дружбы и мирного сосуществования всех народов земного шара.

В наше время кино стало важнейшим и самым массовым из искусств, так как оно обращается к мыслям и чувствам миллионов людей, оказывая глубокое влияние на их умы и сердца. Киноискусство стало могучей духовной силой и важным средством общения между народами. Во всем мире широчайшее признание получают истинно художественные произведения киноискусства, пронизанные духом жизненной правды, помогающие людям в их борьбе за лучшее будущее человечества.

Пусть Московский кинофестиваль наилучшим образом послужит дальнейшему объединению усилий всех деятелей киноискусства в борьбе за мир и прогресс человечества.

Горячо желая участия в Международном кинофестивале, а в их лице всем деятелям киноискусства успехов в этом благородном деле.

Н. ХРУЩЕВ

3 августа 1959 года.

К предстоящим визитам Н. С. Хрущева в США и Дуайта Д. Эйзенхауэра в СССР

Президент Соединенных Штатов пригласил Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева посетить Соединенные Штаты с официальным визитом в сентябре 1959 года. Н. С. Хрущев с удовольствием принял это приглашение.

Президент также принял с удовольствием приглашение Н. С. Хрущева посетить с официальным визитом СССР позже осенью этого года.

Н. С. Хрущев посетит Вашингтон в течение двух или трех дней, а также проведет примерно десять дней в поездке по Соединенным Штатам. Он будет иметь неофициальные беседы с президентом, которые дадут возможность обменяться мнениями по проблемам, представляющим взаимный интерес.

Во время поездки по Соединенным Штатам Н. С. Хрущев будет иметь возможность лично увидеть страну, ее народ и ознакомиться с его жизнью.

Президент Эйзенхауэр посетит Москву, а также проведет несколько дней в поездке по Советскому Союзу. Это предоставит дальнейшую возможность для неофициальных бесед и обмена мнениями с Председателем Совета Министров СССР по проблемам, представляющим взаимный интерес.

Во время поездки по Советскому Союзу президент Эйзенхауэр также будет иметь возможность лично увидеть страну, ее народ и ознакомиться с его жизнью.

Оба правительства выражают надежду, что предстоящие визиты будут содействовать установлению лучшего взаимопонимания между США и СССР и способствовать делу мира.

МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

3 августа во Дворце спорта Центрального стадиона имени В. И. Ленина в Лужниках состоялось торжественное открытие Московского международного кинофестиваля. Он пройдет под девизом «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами». По числу участников — это крупнейший кинофестиваль из всех проводившихся ранее.

В Москву из самых различных стран мира съехались режиссеры, представители кинематографических организаций и деловых кругов, актеры, журналисты. С некоторыми из них наши корреспондент и художник

Только отснявшие какое-то место — смотришь, надо заново все переделывать, так как там многое изменилось. Особенно «портит кровь» строители. Ведь они что ни день, то делают новые дома и предприятия. А кому же хочется показывать на экране вчерашний день?

Наш фильм, — продолжает Г. Генчев, — построен на сравнении нового и старого. Вот, например, Герой Труда Атанаска Димитрова, заместитель директора текстильного комбината в Варне. Когда-то она была подпольной работницей у капиталиста на этом же предприятии. Рассказываем мы в нашей картине об одном из первых сельскохозяйственных кооперативов, очень трудно начинавшем свой путь, а теперь добившемся больших успехов.

Показали мы в фильме и дружбу болгар с другими народами. Символ ее — Мост дружбы, крупнейший на Дунае, который строили шесть стран.

Бимал Рой

БИМАЛ РОЙ... Имя этого индийского кинорежиссера хорошо известно в нашей стране. Один из его фильмов — «Два бича земли» — пользовался большим успехом у советских зрителей. Наша беседа с индийским гостем состоялась сразу же, как только он приехал в гостиницу в Внуковское аэродрома. Кстати, приседал он не один, а со всей семьей: жена и двое детей, младшему — 4 года. Мальчик зовут Джой, что означает в английском языке «радость», и он наверняка самый юный из всех, приехавших на фестиваль.

рошего происхождения), второй назван именем собственным — «Маднумати».

— Как они были встречены индийским зрителем?

— Мне неудобно хвалить собственные фильмы, — улыбаясь Бимал Рой, — но, кажется, хорошо. У нас кинозритель, кроме стоимости билета, платит еще и так называемый налог на развлечение. Так вот, и «Судьята» этот налог был снят правительством, решившим, что этот фильм должен посмотреть максимальное число индийцев. Что касается «Маднумати», то эта картина получила девять из четырнадцати премий журнала «Таймс оф Индия».

— Как девять?

— Видите ли, — объясняет Бимал Рой, — читатель журнала голосованием присуждает премию за лучшую режиссуру, за лучшую игру, за лучшую музыку и т. д. Всего — четырнадцать премий, а в конкурсе участвовало 250 фильмов. «Маднумати» получила девять премий.

— Однако ни один из этих двух фильмов не включен в программу фестиваля, оба будут демонстрироваться вне программы.

— Почему?

— Я дал согласие быть членом жюри фестиваля. Следовательно, я не имею права

включать в программу свои фильмы.

— А что же покажет Индия на фестивале?

— Один художественный и два короткометражных фильма. Как называется художественный? Это трудно перевести. В старых индийских домах имеются помещения, где проводятся празднества. Фильм называется точно так же, как и помещение. Назовем картину условно: «Зал, где происходит празднество».

В заключение Бимал Рой говорит: — Я желаю огромного успеха этому кинофестивалю. Его жена Монобина Рой добавляет:

— Кинофестиваль — это хороший путь для сближения людей разных стран. Кино помогает людям лучше понимать друг друга.

Бон Чон Хи

БЕСЕДУЕМ с представителями молодого киноискусства Кореи Республики — директором студии художественных фильмов Сон Ги Еном, поэтом, критиком и сценаристом Цой Ен Ха, режиссером Хон Пир Сенем, киноактрисой Вон Чон Хи, режиссером Юн Ен Гю. Они рассказывают, что теперь КНДР выпускает 25 художественных и 190 документальных фильмов в год.

— В нашем народе, — говорит Сон Ги Ен, — широко распространена легенда о Чон Ли Ма — конь, пробогающий расстояние в тысячу ли в мгновение. В стране идет сейчас движение, которое носит название Чон Ли Ма. Это движение народа, взявшего власть в свои руки и, подобно скачущему коню, устремившегося навстречу своему будущему. Движение это коснулось всех областей, в том числе и кинематографии.

Какие фильмы представила КНДР на Московский фестиваль? Художественный фильм «Сказание о девушке Чун Хан» и два документальных. Трудно сказать заранее, какую оценку они получат, замечает Сон Ги Ен. Но мы надеемся, что они понравятся зрителю.

ЧЕТВЕРТАЯ встреча — с секретарем делегации ГДР Вернером Фрейем.

Вернер Фрей

Рисунки А. Ординарцева

— Мы покажем на фестивале, — говорит он, — историко-революционный художественный фильм «Песня матросов» — о восстании моряков в Киле в 1918 году, а также два документальных фильма. Первый называется «Химия — благосостояние для всех», второй — «Дневник Анны Франк». Это рассказ о гибели еврейской девочки Анны Франк в фашистском концлагере, о зверствах нацистов.

— В нашей делегации, — говорит Вернер Фрей, — Эрнст Гофман, Шарлотта Шлоттер, режиссер фильмов «Эрнст Тельман» и «Песня матросов» профессор Курт Метцинг, член жюри фестиваля профессор Ганс Роденберг и другие деятели кино.

Что я думаю о Московском фестивале? О, это, безусловно, самое выдающееся событие в жизни кино за всю его историю. Это не только мое личное мнение, так думаю многие из участников Московского фестиваля.

В. КАМАНИН

Генче Генчев

Два неподпитых бокала с вином и брошенная роза на столе, излом белой, насмешливой завесы, серебряный кувшин, груды плодов на подносах, головы убитых кабанов рядом с пестрыми флажками — во всем этом есть глубокий признак того времени, когда, подобно хлебу, из узких готических окон переливался свет и жилая аскетическая простота и из тесной феодализма влилась в свету и солнцу народная жизнь, и чуткие глашатаи — художники сумели изобразить торжество этой жизни: именно так мы чувствуем картины и Остаде, и Снейдера.

Но сколько раз мы наблюдали, как художник-современник пишет натюрморт со старинным русским фарфором и декоративной парчой, прельщаясь только живописностью и как бы

Проходчик Владислав Станевич на строительстве линии Абакан — Тайшет

Люди торопят время

ВЫСОКИЕ ГОРЫ, покрытые тайгой, обступают поселок Абакан со всех сторон. Его белые веселые домики спускаются к самому берегу Абакана, стремительно несущего свои воды по каменному ложу. Река бежит, напряженно изгибаясь, вспениваясь на порогах. Горы и горы. Они тянутся, словно собираясь друг на друга, — те, что ближе, — зеленые, с суровыми морщинами расщелин, те, что подалее, — темнее, причудливей, и где-то очень далеко сливаются с небом их лиловые очертания.

Издавна в этих местах добывалась железная руда. Само слово Абаза означает сокращенно — Абаканский завод. Когда-то небольшой завод перерабатывал здесь руду со склонов богатейшей «Абаканской благодати». Но, отрезанный цепью гор от магистралей, он в начале века прекратил свое существование. Опустился и рабочий поселок...

Два года назад вновь построенный Абаканский рудник выдал первую руду для Кузнецкого металлургического комбината.

— Кажется, что это было давно. Очень давно, — говорит главный инженер рудника Николай Афанасьевич Ходяков. — Чтобы представить себе, что сделано, назову только две цифры: в 1957 году мы дали 214 тонн руды, а план этого года, который мы перевыполним, — полтора миллиона тонн... Из года в год мы будем увеличивать добычу открытым способом и одновременно вести подземные разработки в шахте, которую мы только начали проходить.

Да, Абаканский рудник действует, живет, наращивает мощности. От Абаканской обогатительной фабрики ежедневно уходят тяжелые составы с концентратами руды на Станисск. Они идут по ветке новой дороги, проложенной в тайге, по склонам гор.

Абаканский рудник, затерянный в отрогах Западных Саян, стал одним из крупнейших узлов хакасской руды — мощного плеча третьей металлургической базы страны, важной «высоткой» на переднем крае семилетия в Сибири.

Покажите газеты начала тридцатых годов, и вы найдете слова: встречный план. Их произнесли здесь, в Сибири, строители индустриального гиганта — Кузнецкого металлургического, выдвинувшие более早些, по сравнению с проектными, сроки окончания стройки.

Показывая схему прохода шахты, Николай Афанасьевич не назвал ее встречным планом. Но это был свой «вариант Абаканского рудника». Проект прохода шахты для подземной выработки руды разработал институт «Кузбассинпрорада». По этому проекту, утвержденному Красноярским совнархозом, шахта должна давать вместе с открытыми разработками все больше и больше.

— Жаль, что вы не сможете встретиться с ним. Ровных — студент заочного отделения техникума в Иркутске и сейчас сдает экзамены.

— Ну, а как же с проектом института, утвержденным совнархозом?

— Согласились с нами. Принят наш, ускоренный вариант. — Главник неведомо усмехнулся. — Согласился-то согласился, а вот денег не дает. Из совнархоза получаем не деньги, а отписки.

Эта проблема волнует не одного главного инженера Абаканского рудника. Она неизменно возникает там, где пытливая техническая мысль опережает план, где люди торопят время. Жизнь настоятельно требует от совнархоза более подвижного, гибкого планирования и, главное, творческого.

ДОРОГА от карьера Абаканского рудника идет по спирали вниз. Тяжелые самосвалы, притормаживая на поворотах, везут и везут руду к обогатительной фабрике. Здесь машины останавливаются возле приемных бункеров и тяжелые глыбы с грохотом скатываются вниз. Потом руда попадает в корпус крупного дробления, затем средней и только после этого, размельченная, обесшлакленная, послушная механизмам, идет в магнитные сепараторы, где и происходит обогащение — отделение бедной породы от кондиционной руды, или, как говорят горняки, концентрата.

Между тем в республике неопозитивно плохо используется орошение.

На полях колхоза имени Ленина, расположенного у самой реки Абакан, широкой и многоводной, я увидел такую картину: на орошаемом участке росла чудесная пшеница — ту, с большими колосками, ставшая к земле, засыхала и увядала стебельки точно такой же пшеницы. Рядом, по довольно широкому каналу, весело бежала вода. И никто ее не тревожил до самого отводного озера.

Директор филиала «Ростинпродхоза» Олег Викторович Яворский с гордостью рассказывал, как люди холодной войны осенью соорудили Абаканскую орошительную систему, с таким трудом добывались строительные материалы для бетонных и деревянных заливов, шпунтов, отводов, укрепленных мостов. Все это теперь уже позади. Затрачены

огромный труд и миллионы рублей. Но... пшеница так и осталась неполивной... ПРЕДСЕДАТЕЛЯ колхоза имени Ленина Михаила Павловича Кочуба мы встретили на орошаемом поле. Он охотно взялся показать поселянину квадратами кукурузу, сахарную свеклу, словом, что хотите, только бы не стоял у этой наглядной диаграммы — хорошей и плохой пшеницы.

В этой артели, еще недавно оставшейся, действительно есть на что посмотреть. Яркие цифры роста хозяйства за последние пять лет можно привести на любой выставке. Посевные площади увеличились в 2,7 раза, валовой сбор зерна возрос в три с половиной раза. Кукурузы колхоз сеем теперь в 25 раз больше, чем в 1954 году. Увеличилась поголовье скота, свиней, овец; в несколько раз больше колхоз производит сейчас мяса, молока, шерсти.

Но когда мы заговорили о поливах, выяснилось, что и председатель, и специалисты колхоза над этим мало думают, упускают совсем доступные, лежащие прямо под руками средства поднятия урожайности и доходов артели. Вот что показывает подсчет. В колхозе орошаются две из четырех тысяч гектаров пшеницы. Если бы эти две тысячи орошались как следует, колхоз собрал бы с этой площади почти столько же зерна, сколько с четырех тысяч гектаров на «богарных», то есть неполивных землях. Только с половиной всех площадей колхоз смог бы брать зерно, потребное и для выполнения плана заготовки, для посева и выдана на трудодни. На остальных полях можно было бы выращивать более засухоустойчивые культуры — кукурузу, овес. Но здесь не дают земле отдыха, не удобряют ее, почти не орошают. И вот результат: в прошлом году с гектара удалось собрать менее десяти центнеров зерна.

Течет, течет вода мимо поля артели имени Ленина, а орошает лишь буйные заросли сорняка по канавам. Быть может, колхоз имени Ленина — исключение? Нет. Вот докладная записка комиссии, недавно проверившей состояние орошаемых земель по всему Усть-Абаканскому району. Из шести хозяйств только в одном поля хозяйства вступают в орошение. В остальных хозяйствах посевы орошаются неправильно. В то же время колхозы, которым принадлежат эти массивы, недобрали миллионы кубометров воды, бесплодно пробежавшей мимо их полей.

На улицах Абакана можно встретить яркий плакат, на котором изображен поток голубой воды среди золотой пшеницы. Цифры «33» и «10» соединены идущей круто вверх стрелой. Тридцать три тысячи гектаров уже орошено сегодня, сто тысяч — будет орошено в Хакасии завтра. Более чем вдвое предстоит расширить могучий поток воды на хакасские поля — это значит вдвое увеличить урожай.

В Хакасии говорят, что вода расширяется на полях. И верно. Даже непосвященному человеку видно, что и где написали живительные ручьи, ставшие в наши дни морями. Могу «Серебряный конь» Хакасия. Ему только дай повод, и он помчит живительную влагу туда, куда укажет человек.

Страна ожидает подмоги, Зовет в абаканскую ширь. На стройку железной дороги Пришли комсомольцы в Сибири. Трудясь на строительстве

В поселках клады кирпичи, В работе сдружились хакасы, Владимирцы и москвичи. Еще далеко им до цели Иди среди лесной целины, Еще не пробиты тоннели, Мосты не наведены. Но в братском труде

вырастает, Где плавной дугой, где стрелой, Врезается насыль крутая, В таежной покой нежилый. На месте чащобы вчерашней Пейзаж возникает другой, И водонапорные башни Встанут над косматой тайгой.

А теперь представьте себе, что на всех этажах фабрики, в этом грохочущем царстве моторов и механизмов, нет людей — ни машинистов дробильных агрегатов, ни транспортчиков, ни рабочих, следящих за вращающимися барабанами магнитных сепараторов. И лишь на верхнем этаже, в светлой комнате за большим столом сидит девушка в белоснежной кофточке. Перед ней — шит с приборами и цветными лампочками. Это — панель управления фабрикой, куда выведены контрольные приборы всех действующих узлов технологической схемы. Приборы точно докладывают девушке о «самочувствии» машин, моторов... И она в любой момент может вмешаться в их жизнь — нажатием кнопки она запускает или останавливает технологические потоки.

Старший механик обогатительной фабрики Лисин рассказывал об этой механизации с чувством гордости, но партгор не разделял, видимо, его восторгов. — Слушай я тебя сейчас, да и получал... Не мешало бы, ну хоть раз в месяц заглядывать на день нашего брата инженера-эксплуатационника, чтобы отключить от «текучки» и сказать: сиди и мечтай.

И уже совсем полустушево добавил: — Так теперь и буду делать. В порядке партийного поручения.

Только позже я понял, что шутка шуткой, а все же сказано это было неспроста. Партийной организации рудника пришлось долго убеждать начальника обогатительной фабрики Григорьева, что надо смотреть вперед, дальше годового плана и еще дальше...

— Ну, это, можно сказать, пройденный этап. А теперь посмотрите-ка, — и главный протянул листы бумаги. Это и была мечта — план автоматизации фабрики. Очень ясный, очень конкретный, подкрепленный мощной интуицией рабочих-рационализаторов.

Есть светлая комната на верхнем этаже фабрики, где мягко гудят бесчисленные реле, есть панель управления с разноцветными лампочками, и уже осуществлен автоматический дистанционный запуск двух потоков из пяти.

А там, внизу, в цехах реконструированы многие узлы, улучшен технологический процесс. Там, правда, еще есть и машинисты, и слесари, и транспортчики. Но скоро там понадобятся лишь несколько наладчиков, электриков, которые будут появляться у машин лишь по сигналу диспетчера.

Все это будет. И очень скоро, потому что люди Абаканского рудника торопят время.

Поселки, и ясли, и школы Шагают за трассой вослед, — Так входят в тайгу новоселы — Вершители трудных побед. Шагай сюда, молодость, смело, Преград не боясь и помех, — Найдется здесь каждому дело, И счастья здесь хватит на все!

Вадим ШЕФНЕР

В. РЕВИЧ ПЕРЕПРАВА, ПЕРЕПРАВА...

НА ЮГО-ВОСТОК от Абакана протянулся Усинский тракт — единственный путь, связывающий юг Красноярского края и Туву. Все грузы, приходящие в Абакан по железной дороге, переваливаются здесь на автотранспорт. Наматывая сельскохозяйственной технике, углю из Черногорска, строительным материалам для железной дороги Тайшет — Абакан идет встречный поток: в Абакан везут то, чем богаты Тува и Минусинская котловина.

Из Кызыла по Саянским перевалам, по таежным распадкам, мимо известнейшего всему миру села Шушенского, через старый русский город Минусинск, машины торопятся вырваться к величавому Енисею и... стать здесь в огромную очередь на переправу.

Снижение патетки несколько неожиданное. Что поделяется, — именно такое впечатление возникает, когда после быстрой езды по отличной асфальтированной трассе вылетаешь на берег реки, — нет, до берега, собственно, еще далеко и даже самого Енисея не видно, а шофер уже чертыхается и тормозит, упираясь в хвост колонны грузовиков, исчезающей где-то в синей дымке. Бывает, шоферы дожидаются переправы двое-трое суток. А после Енисея в полтора десятка километров водители ждет вторая ловушка — переправа через Абакан.

Что за нелепость! Почему на этой важной магистрали происходят такие странные явления? Причина, впрочем, ясна. Через Енисей и Абакан нет мостов. Правда, они строятся, и когда будут готовы — проблема отпадет. Но вперед (в лучшем случае) еще не сколько месяцев этого года и весь следующий сезон. Срок немалый! Как же выжить из положения сейчас? Так же, как и все прошлые годы, — с помощью паромов и понтонов мостов.

Понтоновый мост (с односторонним движением) наведен пока только через Абакан. На Енисее же трудятся два парома, трудятся изо всех сил, но очередь поднимается медленно, здесь проходит около полутора тысяч машин в сутки.

Прямо скажем, многочасовое стояние под палящим солнцем не способствует улучшению нравов у водителей. Особенно нервно воспринимаются попытки проехать без очереди. Хорошо,

А. ШАРОВ С К В О З Ъ В Е К А

ПРОШЛОЕ тут существует с будущим, и маршруты геологические пересекаются с путями археологов. В «золотой кладовой» Эрмитажа хранятся найденные в Хакасии чудесной красоты золотые изделия из золота и бронзы, созданные два тысячелетия назад. На дворе Абаканского музея тебя обступают каменные стелы — фигуры, высеченные с удивительной силой незаурядного художника. Вероятно, главное в его замысле — сила жизни, которую человек так рано и сильно начал ощущать тут, на богатой и удивительно красивой хакасской земле.

Археологические богатства Хакасии изучались многими исследователями. Но есть одна эпоха, которая остается в тени, представляя как бы белое пятно. — XIII-XII века. На это трудное, кровавое и боевое время падают грозные события. В начале тринадцатого века страну покинул Чингисхан. Народы, населявшие ее, не сдались, и были почти истреблены, а потом медленно, столетиями, вновь украсили и застраивали обезлюдевшую, залитую кровью землю. Эпоха эта особенно важна для науки, потому что изучение ее позволяет сомкнуть археологию с этнографией, представить себе весь сложный исторический путь хакасов.

На поиски новых археологических памятников выехала недавно из Абакана маленькая экспедиция археолога Леонида Кыласова. Мы догоним археологов, идем по их следам. Но отыскать экспедицию нелегко. Нам посоветовали: — Днигайтеся по долине Июса. Увидите белые палатки, — это археологи.

Но археологов — два: Белый и Черный. И долины рек тянутся от снежного Белогогорья на сотни километров — через тайгу, через степи. А Леонид Кыласов — руководитель экспедиции, хакас по рождению и горчичный любитель в родном краю, москвич по

конечному, тому, кто везет уголь или цемент, — такая машина может и постоить. А вот, например, в Абакан идет машина с решетчатыми ящиками — три сотни уток совершают свой последний путь до мясокочината. Уткам это неизвестно, и поэтому они громко возмущаются задержкой. В ожидании переправы сопровождающий и шофер таскают воду из Енисея и льют ее на головы своим беспокойным пассажирам...

— А свиньи такой жары не выдерживают, особенно жирные... — доверительно сообщает мне шофер. С другой стороны подбьезают фуры с надписью «Мясом» и грузовики, везущий взрывчатку на строительство железной дороги, — их тоже держат в очереди на переправу.

Когда работают два парома, концы с концами еще кое-как сводятся, но паром — штука капризная. Высокая вода — плохо, малая вода — тоже. В такие часы (если бы это были только часы) очередь машин вырастает до угрожающих размеров. Шофер, выезжающий, скажем, рейсом из Артемовска в Абакан (немогом более 200 километров), запасаешь продуктами на неделю. Ведь, кроме Абакана и Енисея, еще предстоит еще две переправы по платной, а вторая работает на «самообслуживание»: заругаются четыре машины, водители, полыевая на лодки, берутся за канат и — раз-два, взяли!

Тут хотелось бы сделать одно лирическое отступление. На енисейской переправе, где ежедневно коротают свое рабочее время

полторы тысячи шоферов (не считая пассажиров), стоит маленький магазинчик. Жемчужина его весьма убогого ассортимента — вода. Для шоферов, находящихся в пути, это, конечно, весьма «существенное» подспорье. Но у работников торговли есть всемогущий и всеоправдывающий «План».

...А тем временем машины подползат и подходят. Скоро начнется сбор урожая — из Иркутской области начала поступать уборочная техника. Как же ее задерживать? И дорожники решают предпринять новую попытку навести понтоновый мост через Енисей. Правда, отметка воды значительно выше нормальной; правда, в распоряжении дорожников находится понтоны устаревшие и по конструкции, и по сроку службы и не рассчитанные на такую скорость течения. Но приходится рисковать.

Возникает вопрос — почему? Неужели нельзя обеспечить Усинский тракт новыми полноценными понтонами, из которых не надо вычерпывать воду ведрами? Такая ли хитрая штука понтон, чтоб его не смогла изобрести мощная промышленность Красноярского края? Ведь стоимость этих понтонов будет намного ниже экономического ущерба от простоев автомашин. Но, видимо, эта проблема не очень волнует руководителей, в ведении которых находится дорога, — такое положение длится не первый год.

У вьезда на абаканский мост висит написанное крупными буквами постановление горсовета. Один из пунктов гласит: переправа пассажиров в часы разводки понтонового моста осуществляется абаканской пристанью. На деле этого нет. А так как мост разводится в середине дня и люди ждать не могут, то на передний край переправы бросаются владельцы лодок. Разумеется, они действуют не просто из гуманных соображений. Стоит на берегу серпант милиции, смотрит на «частный сектор», который на данном участке решительно захлестнул социалистический, и сделать ничего не может. И думает серпант о том, как было бы хорошо, если бы абаканский горисполком контролировал выполнение своих постановлений...

ГОВОРИТЬ об этих переправах можно было бы еще и еще. Я закончу неслесной шуткой, которая бытует среди местных шоферов: — Самая широкая река в мире — Енисей у Абакана... Три дня на переправу требуется...

Едва ли это надо считать комплиментом и великой реке, и руководителям края, и управлению дороги.

А. ШАРОВ С К В О З Ъ В Е К А

Товарищи! — zvolнованно говорит Кыласов участникам экспедиции. — Мы с вами счастливые люди! Ведь тут семья есть лет не было археологов. Есть надписи и рисунки, которые мы исследуем впервые. Завтра начнется работа. А сегодня мы пробираемся по канализации от одного рисунка к другому. Вот эти фигуры — всадники с распростертыми руками — выбиты в песчанике больше двух тысяч лет назад. Вероятно, изображали имели ритуальное значение и художник не думал о красоте, а только о канонической точности.

Какой чудесной любовью и природо наполнены рисунки, насколько тонким знанием! Мыслемогучие горбатые быки, похожие на зубров, рыцарь со шандармом идет в бой, катится боевая колесница, бегут олени, скачущий медведь грозно поднимает палицу, охотник делится из лука, прыгают барсы, сражаются верблюда...

Каждый рисунок вырезан на камне одной линией. И кажется, можешь различить манеру разных художников. «Бегущая Хая» и «Менгу Хая» — «Памятная скала» — на двух наречиях вырезано в красном песчанике. Надписи словно призывают всех живущих справа и слева от скалы, может быть, враняющихся, прийти сюда. Они словно говорят, что тут, у Памятной скалы, вранда должна утихнуть.

Льет дождь, вода стекает по древним каменным картинам. И наряду со счастьем видеть невиданное, неизвестное, прекрасное в душе возникает тревога. Эта писаница, как и другие, разрушается. Недавно рядом с изображенными скалавыми песчаником для дороги. Как-то проходил человек забрался сюда и избородил древние картины пошлыми надписями. Когда срубать столетнее дерево, — очень грустно. Но есть утешение: через сто лет вырастет другое, такое же. Когда уничтожат памятник древнего искусства, значило: восстановить все это вне человеческого сил.

Надо охранять эти каменные картинные галереи, сделать их заповедными, скорее перенести на бумагу и издать все, что сохранилось.

ПЕРЕПРАВА, ПЕРЕПРАВА...

полторы тысячи шоферов (не считая пассажиров), стоит маленький магазинчик. Жемчужина его весьма убогого ассортимента — вода. Для шоферов, находящихся в пути, это, конечно, весьма «существенное» подспорье. Но у работников торговли есть всемогущий и всеоправдывающий «План».

...А тем временем машины подползат и подходят. Скоро начнется сбор урожая — из Иркутской области начала поступать уборочная техника. Как же ее задерживать? И дорожники решают предпринять новую попытку навести понтоновый мост через Енисей. Правда, отметка воды значительно выше нормальной; правда, в распоряжении дорожников находится понтоны устаревшие и по конструкции, и по сроку службы и не рассчитанные на такую скорость течения. Но приходится рисковать.

Возникает вопрос — почему? Неужели нельзя обеспечить Усинский тракт новыми полноценными понтонами, из которых не надо вычерпывать воду ведрами? Такая ли хитрая штука понтон, чтоб его не смогла изобрести мощная промышленность Красноярского края? Ведь стоимость этих понтонов будет намного ниже экономического ущерба от простоев автомашин. Но, видимо, эта проблема не очень волнует руководителей, в ведении которых находится дорога, — такое положение длится не первый год.

У вьезда на абаканский мост висит написанное крупными буквами постановление горсовета. Один из пунктов гласит: переправа пассажиров в часы разводки понтонового моста осуществляется абаканской пристанью. На деле этого нет. А так как мост разводится в середине дня и люди ждать не могут, то на передний край переправы бросаются владельцы лодок. Разумеется, они действуют не просто из гуманных соображений. Стоит на берегу серпант милиции, смотрит на «частный сектор», который на данном участке решительно захлестнул социалистический, и сделать ничего не может. И думает серпант о том, как было бы хорошо, если бы абаканский горисполком контролировал выполнение своих постановлений...

ГОВОРИТЬ об этих переправах можно было бы еще и еще. Я закончу неслесной шуткой, которая бытует среди местных шоферов: — Самая широкая река в мире — Енисей у Абакана... Три дня на переправу требуется...

Едва ли это надо считать комплиментом и великой реке, и руководителям края, и управлению дороги.

Переправа через Енисей. Рисунки М. Скобелева

Карьер Абаканского рудника

Анатодий ХОРУНЖИИ СЕРЕБРЯНЫЙ КОНЬ ПРОСИТ ПОВОДА...

ХАКАССКИЕ степи не сравнятся с бескрайним морем, — у них нет величия материковых равнин. По какой грунтовой дороге здесь ни поедешь, через частую под колесами машины зашуршат камни, оспавшиеся из скалистых выступов холмов. Но за перевалом — долина, где-то вдали белеют хаты, расстелены сизые, зеленые, желтоватые нивы, сверкают под лучами солнца озеро, орошительный канал...

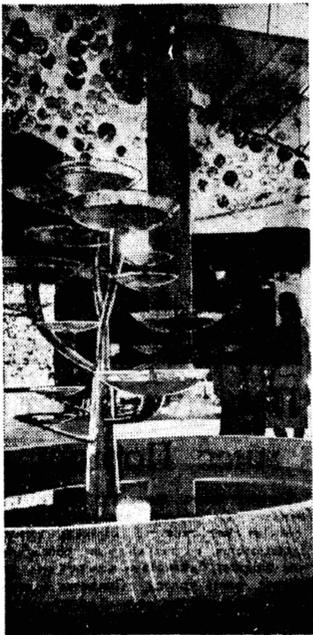
Эти степи словно укрывались за высокими краями Саян. Край буйной растительности, многоводных рек, живописных взгорьев. Это о нем писал Владимир Ильич, называя Минусинский уезд «сибирской Италией».

Суровый холодный зимний, этот уголок Сибири летом и осенью вознаграждает своих жителей щедрым теплом и плодородием.

Но солнце иногда бывает слишком щедрым для этих долин, и тогда здесь, почти как и на юге республики, Средней Азии, хорошего урожая без полива не жди.

В этом убедилась еще первые обитатели енисейской межуралья: котлы с табунами коней, овцы и быки, они подводили каналами воду к вырванным лугам. В борьбе с засухой, наперно, и родился образ хакасского эпоса — образ серебряного коня. Орошая байские луга, багряки мечтали о тех временах, когда серебряный конь помчит вскачь от Абакана в степь на зеленые земли и пастбища, когда ручьи станут морями и вода будет служить всему народу.

НА ВЫСТАВКЕ «ЧЕХОСЛОВАЦКОЕ СТЕКЛО»

В воскресный день тысячи посетителей выставки «Чехословацкое стекло», открывшейся в Центральном выставочном зале, любовались замечательными изделиями: работами художников, мастеров Чехословакии, подлинными национальным искусством социалистической страны. Сотни чудесных экспонатов показывают самое различное применение стекла не только в быту, но и в современной технике, в промышленности и строительстве, декоративном искусстве. НА СНИМКЕ: у стенда выставки. Фото П. Маньича.

Поэт Карл Сэндберг

КОЛЛЕКЦИЯ фотографий «Род человеческий», созданная Эдуардом Стайхеном, может вскоре пополниться еще одним интересным снимком. Известный американский фотограф несколько раз нажимал на кнопку затвора своего аппарата во время дружеской встречи старейшего американского поэта Карла Сэндберга с советскими писателями, состоявшейся 31 июля. Точка зрения, выбранная Стайхеном, позволяла ему сделать интересную и глубокую по содержанию фотозаписку: в центре — улыбающийся сединами Карл Сэндберг с гитарой в руках, поющий американские народные песни, сзади полукругом — его внимательные слушатели.

Народная американская песня — это родная стихия Сэндберга. Со своей гитарой он исколесил все Соединенные Штаты, и трудно найти такую американскую школу, перед учащимися которой он бы не выступал. В 1927 году поэт выпустил сборник, куда вошла значительная часть собранных им в разных уголках США народных песен. Собираение и пропаганда песен своего народа Карл Сэндберг продолжает всю свою жизнь.

Участники встречи горячо благодарили Карла Сэндберга за исполненные им песни, а потом певец сам превратился в признательного слушателя. Русские народные песни для гостей исполняли И. Козловский, А. Клецкая, А. Поляков, гитарист А. Иванов-Крамской.

Переводчик Сергеев прочел отрывки из книги Сэндберга «Народ, да!». Свои стихи прочитала поэтесса Л. Мартынова и Е. Егущенко.

В заключение этой исключительно теплой, дружеской встречи А. Сурков выразил надежду, что мы еще не раз будем приветствовать наших американских гостей в Московском Доме литераторов.

ПОЭТИКА

ВЕСНОЙ прошлого года литературная общественность отметила 25-летие существования основанной А. М. Горьким «Библиотеки поэта». Было сказано много лестных слов в адрес этой хорошо известной серии, которая систематически, по глубоко продуманному плану, знакомит со всеми богатствами русской поэзии и с лучшими памятниками поэтической классики народов Советского Союза. И не только знакомит с ними, но и помогает их освоению: вступительные статьи к выпускам «Библиотеки поэта» в совокупности дают широкую картину исторического развития русской поэзии и воспитывают эстетический вкус на высших образцах поэтической культуры.

Читатель давно полюбил «Библиотеку поэта». У нее есть верные друзья, которые собирают книгу за книгой, — кто «большую серию», кто «малую», а кто и обе вместе.

До недавнего времени выпуски «малой серии» печатались единым тиражом в 50 000 экз. Тираж изданий «большой серии» в каждом отдельном случае устанавливался редколлегией «Библиотеки поэта», в зависимости от значения того или иного поэта, интереса пропаганды его творчества, степени его популярности и т. д.

Как правило, тиражи «Библиотеки поэта» оказывались недостаточными. Во всяком случае редакция нередко получала запросы — нельзя ли при ее содействии раздобыть ту или иную книгу, отсутствующую на книжном рынке. Особенно много пожеланий высказывалось относительно увеличения тиража «малой серии». Добавим, что именно эта серия должна в особенности рассматриваться как некое единое целое. Ее читатель заинтересован в приобретении всех ее выпусков. Именно поэтому из года в год поднимался вопрос о том, чтобы превратить «малую серию» в издание подписное.

Тем более странной и неоправданной представляется вышедшая позиция Книготорга в отношении «Библиотеки поэта». В последнее время Книготорг систематически сокращает тиражи как «малой», так и «большой» серий.

Началось со сборника избранных произведений поэта-революционера М. Михайлова, который по требованию Книготорга был издан в «малой серии» половинным тиражом (25 000). Это было тем более неправомерным, что вслед затем Голдиздатом был выпущен тиражом в 150 000 экз. трехтомник того же М. Михайлова, включающий не только стихи, но прозу и даже критику и тем самым рассчитанный на более ограниченный круг читателей.

Отношение деятелей Книготорга к тому или иному поэту, поистине, прихотливо. Спрашивается, почему, например, В. Кюхельбекеру относительно «повзросло», а — давно не издававшийся поэтичный сборник «Революционная поэзия 1890 — 1917 гг.» (на которой воспитывались поколения пролетарских революционеров) выйдет в «малой серии» мизерным тиражом в 10 000 экз.

То же самое происходит и с выпуском «большой серии». Авторитетная редколлегия «Библиотеки поэта», в составе которой работают видные наши поэты и литературоведы, решила издать сборник «Пролетарские поэты первых лет Советской эпохи» (первый серьезный опыт такого рода издания) 40-тысячным тиражом, но Книготорг урезал его до 10 000.

Тиражная политика Книготорга производит более чем странное впечатление: популярный сборник «Революционная поэзия 1890 — 1917 гг.» (на которой воспитывались поколения пролетарских революционеров) выйдет в «малой серии» мизерным тиражом в 10 000 экз.

То же самое происходит и с выпуском «большой серии». Авторитетная редколлегия «Библиотеки поэта», в составе которой работают видные наши поэты и литературоведы, решила издать сборник «Пролетарские поэты первых лет Советской эпохи» (первый серьезный опыт такого рода издания) 40-тысячным тиражом, но Книготорг урезал его до 10 000.

СТАТЬИ ОТКЛИКИ ПИСЬМА

Пусть рассудят читатели

В. О. ОРЛОВ,
главный редактор «Библиотеки поэта»

Вскоре выйдут в свет сборники стихотворений Дельвига, Фета, А. Григорьева. Редколлегия ответственно подошла к определению тиражей этих книг и наметила Дельвигу и Фету — 30 000, А. Григорьеву поменьше — 20 000. Книготорг вносит поправки: Дельвигу и Григорьеву — по 10 000, а Фету — 20 000. Трудно, однако, поверить, что стихи Фета — одного из замечательнейших русских лириков — не разойдутся в количестве 30 тысяч экземпляров.

«Библиотека поэта» в нынешнем году выпускает ряд интересных, впервые осуществляемых изданий: «Вольная русская поэзия второй половины XIX века», «Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX века», «Стихотворения и трагедии» П. Анненского, избранные произведения Саши Черного и др. Нег никакой уверенности, что и эти книги уйдут в количестве 30 тысяч экземпляров.

Возникает вопрос: а может быть, в самом деле, наши книги не разойдутся? Думаю, что это не так. Разве что в Москве и Ленинграде можно найти кое-что из вышедшего за последние полтора-два года. В недавнее время мне пришлось побывать в разных городах Союза, и везде — в Выльино и Львове, в Ярославле и Петропавловске и в разных малых городах, — везде я заглядывал в книжные магазины. В лучшем случае можно было найти по 2—3 экземпляра отдельных выпусков «Библиотеки поэта». Продавцы утверждали, что «Библиотека поэта» пользуется спросом, но что иные ее выпуски вообще до них не доходят.

Недавно Книготорг попросту отказался взять для распространения подготовленный в составе «малой серии» сборник избранных произведений классика отечественной поэзии Коста Хетагурова, 100-летие со дня рождения которого в октябре нынешнего года будет широко отмечать народы Советского Союза и стран народной демократии. Причина та, что в этом году, дескать, должно выйти несколько русских изданий К. Хетагурова. Но вот передел мой письмо В. Корзуна: «На местах, даже в книжных магазинах Гор. Орджоникидзе (Северная Осетия), нет ни одной книжки Коста и о Коста. Ни одной! Маленькие компактные книжки «Библиотеки поэта» пользуются огромной популярностью. В магазинах городов нашего края они никогда не залеживаются, так как на областной город их присылают всегда лишь в нескольких экземплярах. А некоторые совсем не попадают на прилавки».

Так кто же прав все-таки? Пора в этом разобраться до конца.

«Библиотека поэта» приобрела значение общекультурное. Ныне роль и зна-

Неделя братских литератур в Узбекистане

Бюро ЦК КП Узбекистана по предложению республиканского Союза писателей приняло постановление о проведении «Недели братских литератур в республике». В них примут участие поэты и прозаики Украины, Таджикистана, Казахстана, Азербайджана.

В дни «недели» будут проходить встречи писателей с рабочими промышленных предприятий, хлопководов и садоводов колхозов и совхозов. Участники «недели» побывают в Самаркандской и Ферганской областях, познакомятся с трудовыми подвигами строителей Бухарского газопровода и покорителей Голдиздатской степи.

Дружеские встречи писателей братских народов начнутся «Неделей украинской литературы», которая состоится в сентябре. (Наш корр.)

чение ее еще более возрастает в свете поставленной XXI съездом КПСС задачи дальнейшего повышения культурного уровня советского человека и, в частности, воспитания его художественного вкуса.

Не говорю о бесчисленных библиотечках во всех концах страны, которые должны иметь в своих фондах издания «Библиотеки поэта». Но сколько у нас просто любителей поэзии! Товарищи из Книготорга, научитесь, наконец, доводить до них книги.

Я полагаюсь случаем, чтобы обратиться через «Литературную газету» с призывом к читателям и друзьям «Библиотеки поэта»: скажите свое веское слово! Если Книготорг не верит, что вам нужны эти книги, пишите в редакцию «Библиотеки поэта», шлите ваши заявки в Книготорг. А если, сообщая мне все же переубедит Книготорг.

Своеобразное и необходимое

КАК легко подчас наделают у нас писателей «своеобразной интонацией», «лицом необщим выражением», «яркой индивидуальностью»: достаточно быть просто непохожим на других (а иногда и ни на что непохожим). А казалось бы, при сколько-нибудь вдумчивом и трезвом взгляде на вещи должно стать очевидным, что неважно, как далеко не то, чем самое, что оригинальность личности. Не все «свое» способно перейти в разряд общепризнанного, художественно необходимого.

Михаил Стелмаха относится к числу всевозрастающих писателей. Проверенные, «отстоявшиеся» особенности стилистики и композиции его произведений вызваны не каким-то предвзятым желанием быть прежде всего оригинальным, а более общим, более подспудным пафосом его творческой деятельности. Приемы изображения человека — «поэтика» — обусловлены принципами отношения к нему — «эстетикой».

В речи на съезде писателей Украины Стелмаха напомнил о народном обычаях: «Если кого-то долго не издала дорога или в войны, в хате собираются родня, добрые люди, зажигают на краях стола четыре свечи, а посредине кладут щепотку соли и говорят: «Будем думать о любви». Люди этими словами и мыслями желают человеку жизни. Вот так и наша вся литература — одной роднею думает о любви...»

«Гуманная действительность», присущая «всей нашей литературе». Но в этих словах, на мой взгляд, следует видеть и собственный символ веры Михаила Стелмаха. Он более всего «думает о любви» к человеку. И утверждает: человек, достойный любви, прекрасен.

Народные представления о чистой и нечистой жизни, о красоте и безобразии совершенно отчетливо: народ любит своих героев и делает их сильнее, благороднее, даже внешне красивые всех прочих. Так и у М. Стелмаха: он сознательно, прямолинейно, нарочито делит героев на «любимых» и «нелюбимых» и соответственно тому — «красивых» и «безобразных». У людей труда — тех, кого писатель любит, — «глаза, как звезды», кудри «волнистые, золотые, как пшеничный снопок», «золотой венец длинных ресниц» и т. д. Зато для тех, кто автор презирает и кто ненавидит, «любимые» герои, сравнения подобраны самые неутешительные: у одного «тусклое, круглое, как арбуз, лицо», у другого лицо и вовсе «запелено бородавками», у третьего цепкие глаза «походили на черных мохнатых пауков».

М. Стелмаха не склонен какими-либо «нюансами» смягчать контраст света и тени, противоположность между золотом, берущим свой радостный блеск от снопа, сложенного добрыми, умелыми, святым трудом натруженными руками, и ядовитой зеленой бородавкой, темной паучьих углов, где живут и щелкают на своих проклятых счетах грабители и кровопийцы, чьи руки давно уже отыскали на настоящей работе. Разве можно назвать работой держание плетей? Е-то они держат крепко, так, что образуются «возле пальцев желтые коготки молекул!»

Хранитель и создатель красоты — трудовой народ — вот что хочет сказать Стелмаха своей контрастной эстетикой. Ненавижу целомудренна, возмущающе прекрасна любовь простых людей, отвратительна похоть господ — и нет в их грязной жизни места чистому и прочному чувству. Народ поет свои чудные песни. А какие душевные призывы может выразить в песне серебрянолицый и скупец! Алчность не перекладывается на музыку! Человек, осваивающийся своим трудом мир, делает его ошеломительным, а потому — прекрасным: только труженику туман над пашней видится живым существом, которое, как он сам, «любит землю, прикрывает ее от дурного глаза ночи», «и сам месяц кажется золотым челноком в руках невидимого ткача», а серебрястые от инея вербы напоминают крестьянок, — «и не сравнятся нарядная да надутым царем и королевским с этими нежными деревцами». Обезудумленным предстает мир несмысленным, злым, бездушным, изломанным, вот один из них «на ниву смотрел, как за забастовщиком, и злобно хвостал ее нагайкой. Стебелек хлеба зацепился за ременную петлю, и его с корнем вырвало из земли».

Это восприятие жизни по раздельному критерию: «красота — антикрасота» проведено по всей книге. «Дельсатский... выходит на дорогу» — «нейтрально» сообщает автор и тут же не забывает добавить: «и двор снова становится больше и красивее».

ЛИРИЧЕСКАЯ образность стельмаховского стиля основана на песенно-народной эстетике. Но это вовсе не чистое восстановление в литературе XX века художественного аксессуара далекого прошлого. Сложное изображаемое Стелмахом историческое время, современная мысль автора выводит нас далеко за пределы нехитрого повторения народно-песенного мироощущения. Стало быть, и за пределы поэтики народно-песенного «примитива». Фольклор со своего художественно-выразительного, традиционного системы образных средств не знает, например, субъективной символики. У Стелмаха — это постоянный и строго целенаправленный «при-

Ояр ВАЦИТИС МОЕЙ ПЕСНЕ

Песня, ты надень шинель солдатскую!
Ну, а вдруг сорвется что-нибудь,
Вдруг враги злобно захохочут.

Нет, не половину — целиком
Выбьешься сердце отдаю я,
О тебе лишь — больше ни о ком —
Беспокоюсь, думаю, горюю.

Так бери свою шинель солдатскую!
Песня, я тебе принадлежу.

Что имею — отдаю сполна я,
Не имею — так я и скажу,
Ты не обижайся, я знаю.

Песня, ты надень шинель солдатскую!
Всем друзьям из городов и сел
Нужной будь. Веселой будь и смелой!
Ну, а с теми, кто ни то, ни се,
Песня, песня, нечего нам делать.

Им не по душе шинель солдатская!
Кто боится невпал моргнуть,
Сделать шаг решительный не хочет:

Перевел с латышского
Всеволод ВАР

ЛЮБОВЬЕ СТИХИ

Песня, ты надень шинель солдатскую!
Мы не этот выбираем путь.
Не пойдём ни в чем мы на полпуть,
Разглядит дружка следы от пуды,
А враги — налившей грязи патна
На шинели, на солдатской, ношеной.

Песня, ты всегда носи шинель —
И в лугах, ромашками увитых,
И весной под звонкую капель,
И когда посвящая любви ты, —
Ты всегда носи шинель солдатскую.

Нет, не половину — целиком
Выбьешься сердце отдаю я,
О тебе лишь — больше ни о ком —
Беспокоюсь, думаю, горюю...

Песня, ты надень шинель солдатскую!
Кто боится невпал моргнуть,
Сделать шаг решительный не хочет:

Своеобразное и необходимое

«Хлеб» и «сол» — традиционные символы народного быта, но если начинается книга образом хлеба, лежащего, как это водилось, у подножия распятия (у бога просят люди помощи в своей нелегкой житейской борьбе), то к концу книги краях многозначительно меняет свое место: на краю села лежит она в горшочке, чтобы помочь немущему путнику, она говорит здесь о человеческой солидарности, вызывает к ней, как к верному средству достижения лучшей жизни — «не богу, а людям...». Огромные потрясения, решительные перевороты в сознании скрыты за этим символом.

Трудном движении народной жизни М. Стелмаха, о вековой жажде народа по свободному труду на свободной земле, жажде шедшей кровью, пролившейся в неодолимых волнениях, но только в начале XX века пошедшей в исторически победоносном русле политической борьбы пролетариата. «Романтическая», эпико-героическая сторона темы первой общедемократической русской революции и ответственности, удивительно соответствующей, стиль М. Стелмаха, его герои, воссозданные крупным, «былинным» рецом — «вечный косарь» Марьян Поларуш, олицетворяющая совесть трудового села дед Дунай, воплощение благородства души и тяжести жизни простых селян Чайника, и много-много других, наиболее удачных образов этой книги М. Стелмаха умеет полностью выдержать подобные характеры в их «песенном» ключе, и выдержать тут, что они стилистически и стилистически неестественно резко-редко изменяет здесь автору (частью мер).

Что касается стельмаховских образов народного плана... Но для их анализа нужно будет сделать небольшое отступление.

ВСЕ НАСТОЯЩЕЕ и чаще горит, возвращается сейчас о своеобразии художника и многообразии советского искусства.

Однако сводится ли задача критики только к тому, чтобы утверждать право писателя на своеобразие и необходимость уважения к его замыслам? Нет, если прав Пушкин, сказав, что писателя следует судить «по законам, им самим над собою признанным», то прав и Пушкин, который советовал: «уважайте класс писателей... но не допускать же его овладеть вами совершенно». А раз надо «судить», «не допускать», то здесь должны заявить о себе другие, более серьезные критерии, чем простое личное «мне нравится» или «мне не нравится» «все имеет право на существование».

Два направления прослеживаются в истории толкования индивидуального стиля — одно «стоит» за полный произвол художника, объясняет своеобразие стиля только внутренне-психологическим, иногда даже мистическим толчком писателя, «комплексом» автора. Другое отличает истинное своеобразие от игры в своеобразие, от манерности. Нам кажется не лишним вспомнить, что по этому поводу думал Гегель (по адресу эстетики которого, кстати, в книге Стелмаха мимоходом и совершенно напрасно сказано несколько иронических слов). Не распространяйся вообще о гегелевском понимании манеры, стиля и оригинальности, процитирую то, что относится к нашему разговору. «Манера представляет собою лишь частные, и вследствие этого случайные своеобразия художника... она «не вытекает из характера самого предмета», истинная же оригинальность «соединяет в себе то, что проистекает из требований субъективности художника, и то, что вытекает из требований самого предмета, таким образом, что ни в одном из этих двух аспектов художественного творчества не остается ничего чуждого другому». Мысль, мне кажется, весьма плодотворная и живая, она противостоит произвольному, субъективному пониманию своеобразия писателя.

Поверить индивидуальное решение темы «требованиями объекта», во всяком случае сопоставлять их, — это тоже задача критики. «Манера» может претендовать на то, чтобы «выразить» все, что угодно, и — однообразие. Стиль — это не затвердевший воск, который принял форму сосуда, куда его влили в жидком состоянии; стиль ограничен в своей «свободе».

Своеобразный стиль художника складывается из преимущественного внимания к какой-либо объективной стороне явления действительности, он, так сказать, диктуется ею.

того воспеания человека труда, народного «начала», народного нравственно-кодекса. Эта цель возвышенна, она вырастает из существующих сторон действительности и требует соответствующей ей поэтического выражения. Необязательно только такого, как у Стелмаха. Например, эстонский прозаик Эрнст Крустен, автор романа «Сердце молодых», следуя иной художественной традиции, показывает нравственную мощь народа, революционное пробуждение крестьянства в начале века по-иному: у него вы не встретите, скажем, подернутого деления на «красивых» бедняков и «некрасивых» богатых. «Требования объекта» удовлетворяются в разных субъективных формах, но пусть это не собьет нас в утверждении обязательного соответствия стилю теме.

КОГДА ХУДОЖНИК со сложившейся поэтикой сталкивается с новыми для себя «объектами», он должен учитывать, — если не хочет быть неправды или власти в манерности, — и новые требования их к себе. Отнюдь не просто сменить почерк. Если в книге «Кровь людская — не вода!» Стелмаха поразила гармоничная удивительная цельность, гармоничная материя, стиль и жанр, то в «Хлеб и соль» — другой тон зрения, не все может удовлетворить высказательского читателя. М. Стелмаха пишет, собственно не роман, хотя такой подзаголовок и стоит в книге, — он пишет лирико-героическое повествование, нечто «гомеровское», эпическое. Автор подчеркивает отказывается от центрального героя или небольшой группы героев, где индивидуальное развитие составляло бы стержень «нормального» романа. И тем не менее движение и переломы характеров в книге есть. Из непокорной юности Романа Волышина вырастает зрелый, сознательный вождь крестьянской бедноты; Левко, сын богатого мужа Ищерины, начинает бороться с «хозяином» предприсудков; сложная нравственная борьба терзает душу младшего брата Кулана Плячиды, Якова, адепта украинфильской «национальной идеи», по которой жизнь является жестоким ударом «нечистого», искренности «своего» за неумением полагаться Викентия. Все эти судьбы могли бы стать основой для романа. У Стелмаха они лишь ручейки, по собственному руслам впадающие в огромное океан-море народное, кипение которого больше всего интересует автора. Своеобразие? Да, своеобразно.

Но если маленькие, на 1—2 странички, «вставные новеллы» — истории тех или других персонажей — органично входят в повествование, так, что читателю все ясно, ничего больше не нужно, то недоговоренности, прерывистости в изображении судеб умонауных героев воспринимается уже как слабость книги, как недостаточно глубокое и убеждающее объяснение повторов и движения этих судеб. Насколько лирический, полностью «от автора», стиль повествования оказался достаточно «приспособленным», чтобы удовлетворить требованиям этой темы. О душевных переживаниях героев автор пишет так же красиво-примитивно. Это дает эстетический эффект соответствия, когда режет об эмоциональной жизни людей, вековым чувством крестьян-тружеников, приходивших к революции, но приводит впечатление недостаточности, когда автор касается вопросов интеллектуального созревания человека, разрывающегося в идеологической и политической обстановке тех лет. «От себя» Стелмаха и здесь тонко наблюдателен, но «изнутри» этого процесса мы не видим. Скажем, образ учителя, социал-демократа Степана Васильевича, ведущего среди крестьян агитаторскую работу, — что мы узнаем о его духовном содержании? Более всего, что он любит природу, ненавидит угнетателей и призывает крестьян сплотиться для борьбы. Не мало ли?

В книге М. Стелмаха многие «интеллигентные» герои ведут между собой идеологические споры — о своеобразном пути Украины, о социал-демократии и национализме, финансовом и экономическом состоянии отсталой романовской России и «культурной» Европы. Без всего этого не обойдешься, если хочешь достоверно описать революцию 1905 года. Но нельзя представить, что идеологические конфликты «Книга Самгина» можно было выразить стилем «Тараса Бульбы». Стелмаха так себе дела и не представляется, но пока сцены этих споров, предписанные лишь для полноты картины, выпадают из общего продуманного, устойчивого, необходимого лирико-эмоционального контекста книги.

Стоит ли упрекать М. Стелмаха: не надо, мол, заставлять свой оригинальный талант бороться за те «сферы» и «стороны» жизни, где он не чувствует себя так уверенно, как в изученных и прочувствованных? Не думаю, что такой упрек был бы справедливым.

Да, своеобразно должно ощущаться как необходимость. Да, талант ограничен в своих возможностях. Но разве талант, как и все в мире, не способен развиваться, изменяться, приобретать новые качества? Разве своеобразно — это однообразие?

Ю. СУРОВЦЕВ

САМЫЙ ОПЕРАТИВНЫЙ ЖАНР

«СИБИРСКИЕ ОГНИ»
1959 г.

Заметки
О ЖУРНАЛАХ

Вот она, оказывается, какова история новой станции Южсиба — Кошурниково.

В этом очерке много запоминающихся героев. Скажем, инженер Коженинов — он свой вариант новой, более дешевой трассы проверял по груду в снегу, обмороченный, ползком, петляя добрых тридцать километров... И вернул автору, когда он говорит, что ни разу судьба не столкнула его с равнодушным изыскателем. «Видимо, изыскатель и равнодушные — понятия несовместимые».

А завершает очерк увлекательным рассказом о той гигантской магистрали — Севсибе: северной сибирской дороге, которая начнется у Магдана и пойдет через Якутск, Бодайбо, Тобольск к Уралу... Это будет уже после семилетки. Но будет!

Очерк «Рельсы чудесного края» помещен в шестом номере «Сибирских огней». Хотелось бы отметить внимание к рубрике, которая стоит над очерком Г. Падерина. Она носит название: «Мы идём к коммунизму». И журнал настойчиво ведет раздел из номера в номер. Это линия принципиальная и чрезвычайно важная.

В пятом номере в ряду других материалов раздела выделяются умные заметки Леонида Иванова «О сельском труде и быте» — очеркиста, известного не только сибирскому, но и всеобщему читателю. И новый очерк радует остротой постановки насущных проблем дня. Л. Иванов ведет читателя от одного значительного вопроса, выходящего за пределы, к другому. Почему, к примеру, возник кризис с дорками? Почему не идет в некоторых совхозах и колхозах молодежь в животноводческие бригады? А ведь труд доржки становится все легче, чем лет десять назад, совместно внедряется механизация. Оказывается, многое зависит от не-

удачного распорядка работы — замужние женщины не могут вырваться к делам, ведущим их в состоянии попасть в клуб. Водит и Леонид Иванов по-прежнему, как ищет его герой новую организацию труда — «по примеру промышленного производства», как тесно переплелись в современной деревне вопросы и труда по-новому, и нового быта...

Наконец, в июльском номере читатель увидит знакомую рубрику «Мы идём к коммунизму», находит очерки Виктора Уткова о строителях Приртышья и З. Александровой — о бригадах коммунистического труда.

Редакция «Сибирских огней» обратила пристальное внимание на развитие самого боевого, самого оперативного жанра — злободневной публицистики с переднего края развернутого строительства коммунизма. Не все идет в журнале гладко — иные из материалов суховаты, подчас и малозначительны. Есть опасность некоего однообразия — укореняется тип очерка, так сказать, «экономико-географического». Подчас авторы популяризируют только проблему, но так и «не доходят» до изображения людей.

Хотелось бы пожелать редакции расширить круг авторов, смелее ставить проблемы новой культуры, морали, быта, воспитания гармоничной коммунистической личности, больше заниматься психологией героев нашей современности.

В целом же раздел «Мы идём к коммунизму» — один из наиболее интересных в журнале. Кстати, на его фоне несколько странно выглядит отдел прозы — странно в смысле упорного соблюдения «дистанции времени». Так, в пятом номере журнала завершается роман «Забайкальцы», действие которого происходит еще до революции, в шестом — прозаическое произведение о нашей стране посвящено событиям гражданской войны. Наконец, в седьмом — начинается новая повесть, действие которой происходит в 1941 году... Быть может, все же и проза «Сибирских огней» в ближайших номерах тоже обратится к современности, тоже «шагнет к коммунизму»?

М. МИХАЙЛОВ

Михаил Стелмаха. «Хлеб и соль». Журнал «Дружба народов». № 1-6, 1959.

